

Годы 1689 – 1699

Продолжение «потех».

С 1689 г. Петр стал самостоятельным правителем безо всякой видимой опеки над ним. Однако сам он не чувствует никакого вкуса к власти и отлает ее другим. С падением Софьи главными лицами в правительстве стали царица Наталья и патриарх Иоаким. Иностранные сношения (Посольский приказ) были поручены Льву Кирилловичу Нарышкину. Прежде влиятельный, Борис Голицын потерял теперь свое влияние, благодаря тому, что его заподозрили в желании смягчить участь кн. В. В. Голицына. Сам Петр, оставив дела на руки матери и родных, возвратился к потехам и кораблестроению. Если же иногда он и вмешивался в жизнь двора и государства, то при столкновениях со взглядами своей матери и патриарха должен был им уступать. Так, новое правительство обнаруживало резкое неприятие к иноземцам (вероятно, под влиянием патриарха), несмотря на то, что Петр лично к ним благоволил. По смерти же патриарха Иоакима (1690 г.) на его место был избран Адриан положительно против воли Петра, предлагавшего другое лицо.

Петр зато совершенно самостоятельно устраивал свою личную жизнь. В эти годы он окончательно сблизился с иноземцами. Прежде они являлись около него как учителя и мастера, необходимые для устройства потех, и только. Теперь же мы видим около Петра иностранцев – друзей, сотрудников и наставников в деле, товарищей в пирушках и веселье. Заметнее прочих из таких иностранцев были шотландец Патрик Гордон, в то время уже генерал русской службы, и швейцарец Франц Лефорт, полковник русской службы. Первый был очень умным и образованным инженером и артиллеристом. Всегда серьезный, но любезный и остроумный, всегда следящий за наукой и политикой, Гордон был слишком стар, чтобы стать товарищем Петру (в 1689 г., когда с ним познакомился Петр, ему было 54 года); но Гордон привлек к себе Петра своим умением обходиться с людьми и по своим знаниям и уму стал его руководителем во всех серьезных начинаниях. Петр до самой смерти Гордона выказывал ему свое уважение и привязанность. Но ближе и сердечнее сошелся Петр около того же 1689 г. с Лефортом. Это был не совсем уже молодой человек (род. в 1653 г.), но живость характера и редкая веселость и общительность позволили Лефорту стать другом юноши-царя. Далекий от серьезной науки, Лефорт, однако же, имел некоторое образование и мог действовать на Петра развивающим образом. Ему именно приписывают некоторые исследователи наибольшую роль в развитии у Петра стремления к Западу. Думают, что Лефорт, доказывая царю превосходство западноевропейской культуры, развил в нем слишком пренебрежительное отношение ко всему родному. Но и без Лефорта, по своей страстности, Петр мог воспитать в себе это пренебрежение.

Преимущественно через Гордона и Лефорта Петр ознакомился с бытом Немецкой слободы. Иноземцы в XVII в. были выселены из Москвы в подгородную слободу, которая и получила название Немецкой. Ко времени Петра слобода эта успела обстроиться и смотрела нарядным западноевропейским городком. Иноземцы жили в ней, конечно, на западный лад. В эту-то европейскую обстановку и попал Петр, едзя в гости к своим знакомым иностранцам. Лефорт, который пользовался в слободе большой известностью и любовью, ввел Петра запросто во многие дома, и Петр без церемонии гостил и веселился у «немцев». Слобода оказала на него большое влияние, он увлекся новыми для него формами жизни и отношений, отбросил этикет, которым была окружена личность государя, щеголял в «немецком» платье, танцевал «немецкие» танцы, шумно пировал в «немецких» домах. Он даже присутствовал на католическом богослужении в слободе, что, по древнерусским

понятиям, было для него вовсе неприлично. Сделавшись в слободе обычным гостем, Петр нашел там и предмет сердечного увлечения – дочь виноторговца Анну Монс. Мало-помалу Петр, не выезжая из России, в слободе ознакомился с бытом западноевропейцев и воспитал в себе привычку к западным формам жизни. Вот почему историки придают важное значение влиянию на Петра Немецкой слободы. Она явилась для Петра первым уголком Европы и завлекла его к дальнейшему знакомству с ней.

Но с увлечением слободой не прекратились прежние увлечения Петра – воинские потехи и кораблестроение. В 1690 г. мы видим большие маневры в селе Семеновском, в 1691 г. – большие маневры под Пресбургом, потешной крепостью на Яузе. Все лето 1692 г. Петр проводит в Переяславле, куда приезжает и весь московский двор на спуск корабля. В 1693 г. Петр с разрешения матери едет в Архангельск, с увлечением катается по морю и основывает в Архангельске верфь для постройки кораблей. Море, первый раз виденное Петром, влечет его к себе. Он возвращается и в следующем году в Архангельск. Мать его, царица Наталья, умерла в начале 1694 г., и Петр стал теперь вполне самостоятелен. Но он еще не принимается за дела, – все лето проводит на Белом море и чуть не гибнет во время бури по дороге в Соловки. В Архангельске с ним теперь значительная свита; Петр строит большой корабль, Гордон носит название контр-адмирала будущего флота; словом, затевается серьезный флот на Белом море. В том же 1694 году мы видим последние потешные маневры под деревней Кожуховом, которые нескольким участникам стоили жизни.

Так кончил Петр свои потехи. Постепенно охота к лодкам довела его до мысли о флоте на Белом море; постепенно игра в солдаты привела к формированию регулярных полков и к серьезным военным маневрам. Потехи теряли потешный характер, царь уже не только тешился, но и работал. Мало-помалу складывались в нем и политические планы – борьба с турками и татарами.

В свои 20-22 года Петр многое знал и многое умел сравнительно с окружающими. Самоучкой или под случайным руководством он познакомился с военными и математическими науками, с кораблестроением и военным делом. Руки его были в мозолях от топора и пилы, физическая деятельность и подвижность укрепили и без того сильное тело. Напряженные физические и умственные работы вызывали, как реакцию, стремление отдохнуть и повеселиться. Нравы этой эпохи и особенности окружавшей Петра среды обусловили несколько грубоватый характер веселых отдохновений Петра. Не довольствуясь семейными вечеринками в Немецкой слободе, Петр любил кутнуть в холостой компании. Эта компания даже получила некоторую постоянную организацию и называлась «всешутейшим собором»; председателем ее был бывший учитель Петра Никита Зотов, носивший звание «Ияникита, всешутейшаго пресбургскаго, яузскаго и кокуйскаго патриарха». Служила эта компания, как сама выражалась, «Бахусу и Ивашке Хмельницкому». С этой компанией Петр устраивал иногда сумасбродные забавы (например, публично в 1694 г. отпраздновал свадьбу шута Тургенева с шутовским церемониалом). На святках с ней Петр ездил веселиться в дома своих придворных. Но жестокой ошибкой было бы думать, что эти забавы и компания отвлекали Петра от дела. И сам Петр, и его окружающие умели работать и «делу отдавали время, а потехе час».

Однако дружба Петра с иностранцами, эксцентричность его поведения и забав, равнодушие и презрение к старым обычаям и этикету дворца вызывали у многих москвичей осуждение – в Петре видели большого греховодника. И не только поведение Петра, но и самый его характер не всем мог понравиться. В природе Петра, богатой и страстной, события детства развили долю зла и жестокости. Воспитание не могло сдержать эти темные стороны характера, потому что воспитания у Петра не было. Вот отчего Петр был скор на слово и руку. Он страшно

вспыхивал, иногда от пустяков, и давал волю гневу, причем иногда бывал жесток. Его современники оставили нам свидетельства, что Петр многих пугал одним своим видом, огнем своих глаз. Примеры его жестокости увидим на судьбе стрельцов. Петр вообще казался грозным царем уже в своей молодости.

Азов.

Таков был царь Петр, когда постоянные нападения татар на Русь и обязательства, принятые в отношении союзников, вызвали в московском правительстве мысль о необходимости возобновить военные действия против турок и татар. В 1695 г. война началась походом Петра на крепость Азов. Мы уже видели причины, по которым в Москве отказались от мысли вести нападения на Крым. Видели также, что еще в XVI и XVII вв. Азов считался удобным пунктом нападения. Но мы не знаем, когда и у кого явилась мысль об Азовском походе. В народе считали виновником похода Лефорта, но насколько это справедливо, сказать трудно. Еще в 1694 г., во время «Кожуховского похода», австрийский дипломатический агент доносил из Москвы цесарю, что Петр готовится к войне с Турцией. Но сам Петр писал в своих письмах, что у него под Кожуховом «ничего более, кроме игры, на уме не было». Во всяком случае мысль о походе явилась очень скоро после кожуховских маневров: уже с самого начала 1695 г. готовили дворянское войско к походу на Крым (этот мнимый поход на Крым должен был отвлечь внимание неприятеля от Азова). Весной же регулярные московские войска в числе 30 тыс. реками Окой и Волгой на судах дошли до Царицына, оттуда перешли на Дон и явились под Азовом. Но сильный Азов, получая провиант и подкрепления с моря, не сдался. Штурмы не удавались; русское войско страдало от недостатка провианта и от многовластия (им командовали Гордон, Лефорт и Головин). Петр, бывший сам в войске в качестве бомбардира Преображенского полка, убедился, что Азова не взять без флота, который бы отрезал крепость от помощи с моря. Русские отступили в сентябре 1695 г.

Неудача, несмотря на попытки ее скрыть, огласилась. Потери Петра были не меньше потерь Голицына в 1687 и 1689 гг. Недовольство в народе против иноземцев, которым приписывали неудачу, было очень велико. Петр не падал духом, не прогнал иноземцев и не оставил предприятия. Впервые показал он здесь всю силу своей энергии и в одну зиму, с помощью иноземцев, построил на Дону, в устье реки Воронежа, целый флот морских и речных судов. Части галер и стругов строили плотники и солдаты в Москве и в лесных местах, близких к Дону. Эти части свозились в Воронеж и из них собирались уже целые суда. Много препятствий и неудач преодолел царь, ставший в это время единодержавным государем (брат Петра, царь Иван, умер 29 января 1696 г.). На Пасху 1696 г. в Воронеже уже были готовы 30 морских судов и более 1000 речных барок для перевозки войск. В мае из Воронежа Доном двинулось русское войско к Азову и вторично осадило его. На этот раз осада была полной, ибо флот Петра не допускал к Азову турецких кораблей. На суше под единоличным начальством боярина Шеина дела шли счастливо. Петр сам присутствовал в войске (в чине капитана) и, наконец, дождался счастливой минуты: 18 июля Азов сдался на капитуляцию.

Как тяжела была раньше неудача, так велика была радость в Москве при получении известия о победе. Радовался и сам Петр: в успехе он видел оправдание своей предшествовавшей деятельности, своих «потех». Победа была отпразднована торжественным вступлением войск в Москву, празднествами и большими наградами. Торжественно были извещены и союзники о русской победе. В Польше и на Западе не ждали такого успеха Петра и были им поражены. Слух о взятии Азова

прошел по всей Европе. Польские дипломаты плохо скрывали свой страх, внушаемый им политическими успехами соседки – Москвы. Сами москвичи со времени царя Алексея не видели таких побед и находились под обаянием взятия Азова.

И после победы, как после неудачи, Петр не опустил рук. Зима 1696/97 г. прошла в заботах об укреплении Азова и о построении флота для Азовского моря. В Азов решено переселить 3000 семей из волжских городов и 3000 стрелецкого войска. Построение флота решено было совершить силами и средствами всего государства: таким образом создавалась своеобразная земская повинность: с каждых 10 000 крестьянских дворов, принадлежавших светским владельцам, правительство желало получить снаряженный корабль; с каждых 8000 крестьянских дворов духовных владельцев – то же самое. Городское сословие всего государства должно было снарядить 12 кораблей. Для этой цели землевладельцы должны были съехаться в Москву, образовать компании («кумпанства»), разверстать издержки и повинности и готовить корабли в 1698 г. Правительство же снабжало кумпанства инструкциями и необходимыми чертежами.

Забываясь о привлечении в Россию техников-иностранцев, Петр решился, для лучшего утверждения в России морского дела, создать и русских техников, для чего послал за границу знатную молодежь «учиться архитектуры и управления корабельного». Пятьдесят молодых придворных были посланы в Италию, Англию и Голландию, т. е. в страны, знаменитые тогда развитием мореплавания.

Высшее московское общество было неприятно поражено этим новшеством; Петр не только сам сдружился с немцами, но желает, как видно, сдружить и других. Еще больше поражены были русские люди, когда узнали, что сам Петр едет за границу.

Но раньше, чем царь успел собраться в дорогу, произошел ряд тревожных событий. В 1697 г. простой монах Авраамий подал царю рукопись, наполненную упреками. Авраамий писал, что Петр ведет себя «печально и плачевно», уклонился в потехи, а государством правят дьяки-мздоимцы. На эти упреки Петр ответил строгим следствием и ссылкой Авраамия с его друзьями. Еще ранее Петр за что-то пытал дядю своей жены П. А. Лопухина; другие Лопухины были разосланы из Москвы. Очевидно, и они были недовольны за что-то Петром. Так, ко времени возмужалости Петра возрастало и недовольство им в разных слоях общества. В некоторых же кружках недовольство перешло в определенный умысел убить Петра. Следствие, произведенное перед самым отъездом его за границу, выяснило, что главными заговорщиками на жизнь государя были бояре Соковнин и Пушкин, и стрелецкий полковник Циклер. Мотивами покушения они выставляли жестокости и новшества Петра и желали возмутить стрельцов. Циклер оговорил в соучастии и Софью. По этому делу виновные подверглись казни. Поверив соучастию Софьи и видя в заговоре против себя семя, посеянное Ив. Мих. Милославским, Петр отомстил и Софье, и Милославскому (уже умершему в 1685 г.) тем, что велел с бесчестием вырыть гроб Милославского и подставить его под плаху так, чтобы при казни заговорщиков на него текла кровь казненных.

После этой свирепой мести, устранив из Москвы подозрительных лиц для государственной и своей безопасности, Петр отправился за границу.

Путешествие.

Петр ехал инкогнито, в свите «великого посольства», под именем Петра Алексеевича Михайлова, урядника Преображенского полка. Отправление великого посольства к западным державам (Германии, Англии, Голландии, Дании,

Бранденбургу, также к Римскому папе и в Венецию) решено было еще в 1696 г. Цель посольства состояла «в подтверждении древней дружбы и любви» с европейскими монархами и «в ослаблении врагов Креста Господня», т. е. в достижении союза против турок. Во главе посольства стояли генералы Франц Лефорт и Федор Алексеевич Головин. При них состояло 50 человек свиты. Мы не знаем, как тогда Петр объяснял цели своего собственного путешествия. Современники судили о небывалой поездке русского царя в чужие земли самым различным образом. Одни говорили, что Петр едет в Рим молиться ап. Петру и Павлу; другие – что он просто хочет развлечься; некоторые думали, что Петра за границу увлек Лефорт. Сам Петр впоследствии, вспоминая свою поездку, писал, что поехал учиться морскому делу. Это объяснение, конечно, всего вернее, но оно слишком узко. Не одному морскому делу хотел учиться Петр, как мы увидим ниже.

Москву и государство Петр оставил на руки Боярской думы. Это не было при нем неизведанной новизной: царь и раньше подолгу не бывал в Москве, уезжая в Архангельск и под Азов. Официально считалось, что государь не уезжал; дела решались его именем, бояре не получали никаких особых полномочий. Некоторые исследователи замечают, что единственной экстренной мерой при отъезде Петра было удаление из Москвы подозрительных лиц (вроде Лопухиных).

Для достижения цели союза против турок посольство должно было отправиться прежде всего в Вену. Но так как русский резидент в Вене как раз в это время успел продолжить союз с императором на три года, то посольство, минуя Вену, отправилось в Северную Германию морем через Ригу и Либаву. В Риге, принадлежавшей шведам, Петр получил ряд неприятных впечатлений и от населения (которое дорого продавало продукты русским), и от шведской администрации. Губернатор Риги (Дальберг) не допустил русских к осмотру укреплений города, и Петр посмотрел на это как на оскорбление. В Курляндии зато прием был радушнее, а в Пруссии (тогда еще в Бранденбургском курфюршестве) курфюрст Фридрих встретил русское посольство чрезвычайно приветливо. В Кенигсберге для Петра и послов дан был ряд праздников. Между весельем Петр серьезно занимался изучением артиллерии и получил от прусских специалистов диплом, признавший его за «искусного огнестрельного художника». Русское посольство между тем вело с бранденбургским правительством оживленные переговоры о союзе; но русские желали союза против турок, а пруссаки – против шведов, и дело кончилось ничем. После некоторых экскурсий по Германии Петр отправился в Голландию ранее своих спутников. На дороге туда встретился он с двумя курфюрстинами (Ганноверской и Бранденбургской), которые оставили нам его характеристику. «У него прекрасная черта лица и благородная осанка, – пишет одна из них; – он обладает большою живостью ума; ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательнее было бы, чтобы в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если бы он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум». Грубость Петра выражалась в отсутствии той светской выдержки, к какой привыкли германские принцессы. При начале беседы с принцессами Петр очень конфузился, закрывал лицо руками. «Видно также, что его не выучили есть опрятно», – заметила другая курфюрстина. Этой светской выдержкой Петр не овладел вполне, кажется, никогда, но впоследствии он потерял свою робость и застенчивость.

В Голландии Петр прежде всего направился в городок Саардам (Саандам); там были знаменитые корабельные верфи, о которых он слышал еще в России. В Саардаме принялся он плотничать и на досуге кататься по морю. Но его инкогнито, плохо соблюдавшееся и в Германии, было нарушено и здесь; в Петре Михайлове

узнали царя Петра, и весь город стремился посмотреть на диковинного гостя. Петр сердился, жаловался, даже бил назойливых зевак, но ему толпа не давала ни спокойно работать на верфи, ни отдыхать в его скромном домике (этот домик в ноябре 1886 г. передан Нидерландами в дар России и принят нашим правительством). Рассерженный Петр, пробыв в Саардаме всего неделю, переехал в Амстердам, где оставался с половины августа 1697 до января 1698 г., лишь на короткое время выезжая в Гаагу и другие города. В Амстердаме он учился кораблестроению на Ост-Индской верфи и достиг значительных успехов, но остался недоволен голландским кораблестроением. Уже в России он научился плотничать, в Голландии же искал изучить теорию кораблестроения. Но голландцы строили суда навыком, не умея составлять корабельных чертежей, не зная теории корабельного искусства. Это-то и сердило Петра. «Зело ему стало противно, – писал он сам о себе, – что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг». Случайно узнал он, что теория судостроения выработана у англичан, и решился поехать в Англию; в Москву же послал приказ подчинить голландских мастеров на Воронежской верфи мастерам венецианским и датским.

Неудачу потерпел Петр в занятиях морским делом, неудачу потерпело и посольство русское в Гааге: Голландия отклонила от себя всякое участие в войне против турок. С чувством неудовольствия оставлял Петр Голландию, но в ней тем не менее он многому научился. Одновременно с работами на верфи он занимался математикой, астрономией, рисованием и гравированием, он посещал разные музеи, слушал лекции медицины, интересовался всеми отраслями положительных знаний, присматривался к различным механическим усовершенствованиям, знакомился с морскими промыслами (например, китоловными). Привыкая к особенностям блестящей, зажиточной и просвещенной голландской жизни, Петр приобретал массу новых культурных впечатлений, развивался и образовывался.

В Англии, куда Петр переехал без посольства в начале 1698 г., повторилось то же самое, что и в Голландии. Петр учился теории судостроения и военному делу, катался по Темзе и присматривался к английской жизни, вращаясь в самых разнообразных сферах. Английские инженеры, техники, моряки производили на Петра лучшее впечатление, чем голландские, и он усердно приглашал их в Россию. Зато политическая и придворная жизнь в Англии мало интересовала Петра (то же было и в Голландии), и высшее английское общество имело основание считать Петра «мизантропом» и «моряком». Избегая придворных церемоний, Петр держал себя так свободно и странно для монарха, что встретил осуждение со стороны английского двора, которому «надоели причуды царя», как писал один дипломат.

В апреле 1698 г. Петр вернулся в Голландию, к посольству, чтобы с ним ехать в Вену. До Вены он доехал только в июне и прожил там около месяца. Встреченный императором Леопольдом очень радушно, он осматривал Вену, а между тем деятельно шли переговоры русских и венских дипломатов в войне с турками. С удивлением и досадой видел Петр, что австрийские политики не только не разделяют его завоевательных видов на Турцию, но даже не желают продолжения и той вялой войны, какую вели до тех пор, Русские говорили, что если уже император желает мира, то следует заключить его в интересах не одной Австрии, а всех союзников. Но и эта мысль не находила в Вене сочувствия. Петр убедился, что коалиция против турок, о которой он мечтал, невозможна, что следует и России мириться с Турцией, если она не хочет воевать с нею один на один.

В июле царь думал ехать из Вены в Италию, но получил известия из Москвы о новом бунте стрельцов. Хотя скоро пришло донесение, что бунт подавлен, однако Петр поспешил домой. По дороге в Москву, проезжая через Польшу, Петр виделся с новым польским королем Августом II (в то же время и курфюрстом саксонским); встреча их была очень дружественная (Россия сильно поддерживала Августа при

выборах на польский престол). Август предложил Петру союз против Швеции, и Петр, наученный неудачей своих противотурецких планов, не ответил таким отказом, как ответил раньше Пруссии. Он в принципе согласился на союз. Так, за границу повез он мысль об изгнании из Европы турок, а из-за границы привез мысль о борьбе со Швецией за Балтийское море.

Что же дало Петру заграничное путешествие? Результаты его очень велики: во-первых, оно послужило для сближения Московского государства с Западной Европой, во-вторых, окончательно выработало личность и направление самого Петра.

Пользуясь пребыванием за границей царя, европейские правительства спешили извлечь из сношений с ним всевозможные выгоды для своих стран. Дипломатические отношения России с Западом пошли гораздо живее со времени путешествия Петра. Русские дипломаты и учащаяся молодежь, явившаяся на Запад вместе с посольством и отдельно от него, знакомили европейцев с Россией. В свою очередь, иностранцы толпами потянулись на Русь вследствие приглашения самого Петра и его уполномоченных. Необычайный факт путешествия московского царя возбудил любопытство всего западноевропейского общества и к личности царя, и к его народу. В германских университетах темой диспутов ставили поездку Петра и будущее просвещение России как результат этой поездки. Философ Лейбниц составлял просветительные проекты преобразования Руси. Европа, видя поведение Петра, догадывалась, что результатом просвещения самого Петра будет просвещение его государства. Поэтому поездка Петра стала весьма популярным предметом для политических и культурных рассуждений.

Для самого Петра путешествие было последним актом самообразования. Он желал получить сведения по судостроению, а получил сверх того массу впечатлений, массу знаний. Более года пробыл он за границей, всегда в толпе, среди разнообразных лиц, среди разных национальных культур. Он не только увидел культурное и материальное превосходство богатейших стран Запада над своей бедной Русью, но и сжился с обычаями этих стран, стал в них как бы своим человеком и не мог вернуться к старому мировоззрению. Сознвая превосходство Запада, он решился приблизить к нему свое государство путем реформы. Смело можно сказать, что Петр как реформатор созрел за границей. Но все воспитание Петра, вся его жизнь в Москве обусловили собой некоторую односторонность в его заграничном самообразовании: покоритель Азова и создатель русского флота, Петр далеко стоял от вопросов внутреннего управления Московского государства. И за границей Петра увлекали морское и военное дело, культура и промышленность, но сравнительно весьма мало занимало общественное устройство и управление Запада. По возвращении в Москву, Петр немедленно начинает «реформы», окончательно порывает со старыми традициями; но его первые шаги на пути реформ не касаются еще государственного быта. Он является с культурными новшествами по преимуществу и с большой резкостью проводит их в жизнь. К реформе государственного устройства и управления он переходит гораздо позднее.